

До электрички оставалось ещё минут тридцать. Погода была хорошая, можно было подождать и на платформе. Приходить всегда заранее — моя давняя привычка. С подросткового возраста люблю, ожидая поезд, постоять, походить, что-то обдумать. Во время таких ожиданий у меня частенько рождались какие-то новые темы, возникали свежие идеи в изысканиях...

Это было несколько лет назад, прекрасным солнечным сентябрьским деньком. Я ждал на станции Коломна электричку на Москву. Как, наверное, многие, пользующиеся пригородным железнодорожным транспортом, я выбрал именно рязанскую электричку, которая, как дальняя, делает меньше остановок. Какой же русский не любит быстрой езды, а некоторые голутвинские идут до «Выхино», останавливаясь чуть ли не по всем небольшим платформам!

Скамейка рядом была свободна. Я решил присесть, отдохнуть после многочасового хождения. В электричке свободных мест в это время должно быть много, терпеть до неё оставалось недолго. Но всё же я присел с краю скамейки, оставив пространство для других желающих малость отдохнуть до прибытия пригородного поезда. На платформе было ещё мало народу, и воспользоваться лавочкой по моему примеру никто не торопился.

Минуты через три-четыре на мою скамейку пристроился интеллигентного вида седой человек, лет под шестьдесят. Обычного среднего роста, в очках, одет в ношенный, сразу видно — повседневный, костюм без галстука. В облике этого человека угадывалось что-то восточное, но мало ли в большой Коломне разноплеменного народу! Я поначалу не смог предположить, какой интересной окажется эта встреча.

У пожилого мужчины в руках была обычная пластиковая папка для бумаг, в которой он сразу же стал копаться, видимо, разыскивая нужный документ среди листочков классического формата А-4, исписанных текстом от принтера. Среди бумаг мой сосед отыскал поздравительную открытку и облегчённо вздохнул. Было видно, что именно она должна была понадобиться, если не здесь, на станции Коломна, то в ближайшие часы. «Ну, у кого-то из близких или знакомых этого человека юбилей, и он готовится поздравить», — подумалось мне, а между тем...

Я, конечно же, не шибко люблю подсматривать через плечо, что читают рядом незнакомые люди. Но сейчас, случайно глянув в открытку, я мельком увидел фамилию, которая стояла под поздравлением — Ормели...

И вдруг почудился мне горячий ветер крымских степей, запах диких трав, шорох столетий, и возникло в памяти таинственное слово: КАРАИМЫ... Так называли древнюю народность. По крови — тюркскую, а по вере — близкую к иудаизму.

Фамилия, во-первых, была достаточно редкой, а во-вторых, в России она могла принадлежать только представителю лишь одного народа, весьма малочисленного, но при этом оставившего в прошлом заметный след в экономике и культуре нашей страны. Я, не раздумывая, задал вопрос человеку:

— Вы — караим?

— А с чего вы вдруг такое предположили? — последовал несколько испуганный удивлённый ответ. Человек с опаской посмотрел на меня.

— Да как-то фамилия на бумаге, которую вы уронили, на такую мысль наводит. Знаю, что такая вроде как только у караимов в России встречается...

— Вы знаете, кто такие караимы?! — повернувшись ко мне, не менее удивлённо спросил собеседник.

— Знаю, встречать достаточно много доводилось.

— И прямо так легко по фамилии можете определить?

— Пожалуй... Чисто караимская тюркская фамилия, причём типично без окончания на «-ов». Да и, хотя никого из Ормели лично не встречал, но слышал о них от знакомых караимов.

Далее, вспоминая о том, что разговор этот начат не где-нибудь, а в Коломне, я постарался приблизить географию общения именно к городу:

— Интересная тема: Коломна и караимы... В Москве, знаю, их было много; фабрики табачные вашим принадлежали. «Ява» и «Дукат» — ваше караимское наследие, табачных магазинов много было... Владелец знаменитого рысака по кличке Крепыш был караим Шапшал, Сергей Юткевич был караимом по отцу... Но про Коломну много не расскажу.

— Приятно узнать, что кто-то не только про наш маленький народ слышал, но и чем мы до революции занимались, помнит. А вы, наверное, историк? Или в Крыму часто бываете? У вас кто-то знако-

мый или родственник караим? Откуда познания такие? — оживился собеседник.

— В Крыму, к своему позору, был в последний раз более двух десятков лет назад. А по поводу историка — что-то вроде того. А вы в Коломну из Крыма попали?

Я всё ещё надеялся получить ответ на вопрос, есть ли в этом прекрасном городе такая, пусть и маленькая, но очень интересная национальность.

Караимы, диаспоры которых в том или ином городе, где они селились со второй половины позапрошлого столетия, всегда оставляли весьма заметный отпечаток. Можно вспомнить ярких представителей местной интеллигенции или как минимум основателей известнейших в местном масштабе табачных магазинов, а уже позже, в советское время, их директоров.

Человек с фамилией Ормели, всё ещё с опаской и недоверием глядя в мою сторону, ответил:

— Ну, если мы с вами находимся в Коломне и я по своему облику не похож на московского дачника, то, наверное, я здесь живу.

Потом он сразу же, видимо, решив далее проверить мои познания, хитро спросил:

— А почему вы меня в крымские записали? А вдруг я из литовских караимов?

— Нет-нет, вы попали сюда явно из Крыма! Фамилия Ормели характерна как раз для крымских караимов или потомков выходцев с полуострова. У литовских и вообще западной ветви вашего народа фамилии другие, «польскообразные». Всё-таки со времени князя Витовта живут в Тракае. Наверное, слышали: в девяностых целых два срока посол Литвы в России был этнический караим — Казаровичус...

— Много знаете про караимов, — перебил меня собеседник.

— Да, пожалуй... — скромно констатировал я.

— Вы — караим? — попытался догадаться мой визави, которого явно озадачили такие познания по теме, о тонкостях которой осведомлено уж очень малое число жителей нашей страны. Но, внимательно глянув на мою внешность, далёкую от антропологии этого загадочного народа, он несколько скорректировал свои предположения.

— Или у вас в роду караимы были? Что-то я не слышал об историках, кто так хорошо осведомлён о нашем народе не только в Крыму, но и во всех других местах, куда его в разное время занесло... У вас явно караимские корни есть!

— Должен вас разочаровать... Никого из вашего уважаемого народа у меня среди предков нет.

— Даже четвертинки нашей крови? — не унимался Ормели. — Хотя я, честно говоря, тоже караим только по отцу, мама русская.

Потом он, чуть помолчав, добавил:

— Жена тоже русская. Понятно, что и дети, и теперь уже внуки тоже себя с караимским этносом не отождествляют... Да и из детей у меня только две дочери. Само собой, выйдя замуж, взяли другие фамилии...

— Картина, наверное, типичная для всех маленьких городских диаспор... — вздохнул я.

— А как в Коломну наши попали, хотите узнать? — решил удовлетворить моё любопытство Ормели.

— Наверное, ещё до революции, по табачным делам, в качестве представителей московских фирм Габая и Пигита? — попытался предположить я, назвав фамилии основателей двух московских табачных фабрик, продолживших свою историю в качестве государственных предприятий в советское время. Самуил Габай был среди основателей «Явы», а потом остался единоличным владельцем последней, а Илья Пигит основал «Дукат». Он же построил в Москве на Садовой дом № 10, который сейчас все знают в связи с Михаилом Булгаковым.

— А вот и нет! — почти радостно разочаровал меня собеседник. — Если вы знаете караимов, то наверняка в курсе, что дети тех, кто приезжал из Крыма на зов фабрикантов, шли учиться по прикладным специальностям, а потом получалось много караимов-врачей, караимов-инженеров. Мой прадед Азарья приехал из Евпатории в Москву молодым человеком. К Габаю работать не пошёл, а стал служащим на железной дороге.

— На этой?

— Нет, на Брестской, Белорусской нынешней.

— А когда в Коломне-то караимы поселились?

— Мне рассказывали, что ещё до революции две семьи поселились в городе. Их главы работали на нынешнем Коломзаводе, но очень недолго. Года через два эти люди в Москву перебрались. Дед мой знал их фамилии, какие-то подробности о них. Он и мне в детстве пытался что-то рассказать, но я это мимо ушей, как водится, пропускал. Жаль, много важного так мимо прошло...

— А ваша семья тоже ещё при царе сюда попала? — я всё пытался вставлять интересующие вопросы.

— Нет, мы до революции в Москве жили, а в Коломну деда моего, Бориса, в двадцатых годах направили.

— Как и прадед, он на железной дороге работал?

— Нет, он по другой части пошёл, по технической, но другого рода. Был замечательным снабженцем! Поскольку он — человек восточный, с теми, кто на тюркских языках говорит, с теми без труда общался, поскольку языки близки. Он ещё знал неплохо армянский, что тоже в его работе важно было. Его посылают куда-то в командировку, а там везде, где что-то выпросить надо, или армяне, или узбеки, или азербайджанцы в конторах сидят. Видят — человек вроде свой, с Востока, да ещё, как водится, поторгуются, как положено. Ему всегда удавалось достать то, чего никто другой не смог бы выхлопотать!

— Вас одна семья караимская в городе была, получается?

— Выходит, так. Народ у нас маленький, если бы кто ещё в Коломне жил, то через московских, крымских или ещё каких-нибудь родственников или соплеменников информация быстро бы пришла. Цыганская почта, так сказать...

— А семья-то ваша большой была?

— У деда было двое сыновей, включая отца, и дочь. Лидия в двадцать лет в Москву замуж вышла. Хотели родители ей своего там найти — не понравился, с его русским другом познакомилась. Старший брат Семён до тридцати гулял, потом, кстати тоже в Москве, татарочку встретил. У нас

в семье язык караимский знали, бабушка с дедушкой на нём общались; отец с братом и сестрой более по-русски, но языком всё равно владели. А караимский — почти крымско-татарский, да и на собственно татарский похож. Встретил красавицу татарку, когда как-то к друзьям в Москву ездил, понравилась девчонка. Ему говорят, что у неё семья строгая, с чужим не разрешат встречаться. А он, хитрец, вспомнил, что языки похожи, выдал сначала ей себя за своего, потом до родителей её дело дошло. А когда разобрались — парень хороший, вроде тоже обрезанный — а до сороковых годов в Москве газзаны караимские были живы, да у нынешней «Кропоткинской» учитель-эрби жил. Было кому всё делать...

— Эрби — это Саадья Ельяшевич? — спросил я.

— Он! — радостно воскликнул Ормели.

— Я его дочь знаю, рассказывала мне о караимах много...

— Тамару Саадьевну? Она жива ещё?

— Да, слава Богу. Супруга похоронила недавно, а сама жива. Семнадцатого года рождения, сто лет скоро...

— Увидишь — привет передавай, она знает, от кого, — мой собеседник в разговоре незаметно перешёл на «ты».

— Да, мир тесен... А она что-то про Коломну мне ничего не говорила, всё про московских, крымских и литовских рассказывала истории. Но вернёмся к брату. Что с ним дальше было?

— Да всё в порядке, объявили своим, разрешили на дочери жениться. Сами они умерли давно, дети в Москве ещё живут.

Помолчали... Сзади донеслось погромохивание с разворотного трамвайного кольца.

— В Коломне, стало быть, только один сын, ваш отец, остался?

— Да, он русскую здесь встретил. Женился. Вот я и появился на свет. Больше что-то они не стали детей заводить.

— Что ж, получается, в Коломне из караимов совсем никто с табаком дела не имел?

— Что касается табака, — мой собеседник-караим здесь заявил прямо-таки официально, — ни до революции, ни после в Коломне табачными магазинами караимы не владели. Нас всего одна семья была, мы других профессий, все с дипломами.

Далее он замылся, видимо, раздумывая, стоит ли такое рассказывать первому встречному в лице какого-то непонятого историка, то есть меня.

Но тут я ему подмигнул и спросил шёпотом:

— Наверное, сигареты-то всё же крутили?

— Ты и такие вещи знаешь?! Да, дома была маленькая машинка для сигарет. И отец, поскольку не мог курить то, что в киосках продавалось, сам для себя и для знакомых сигареты набивал.

— Машинки для набивки сигаретных гильз в каждом караимском доме были! Мне об этом везде рассказывали. А особый табак в Москве брали? Через своих на фабриках?

Ормели расхохотался.

— Ну, ты прям как следователь по караимским вопросам! От тебя ничего не утаишь! Московские старики, видать, всё рассказали. Да, через своих, кто ещё на табачных фабриках оставался. А караимов, сам знаешь, как лучших специалистов ценили и держали на хороших должностях очень

долго, пока старые мастера не ушли. Ну вот, через щель в заборе хорошие табаки брали. Ты, наверное, знаешь, что табаки двух основных видов есть?

— Да, «скелетные и «ароматические»...

— Вот-вот! От того, как основу, разные «скелетные», смешать с разными «ароматическими» табаками, и зависит качество. У караимов, предки которых в Крыму многими поколениями дело с табаком имели, знание, как правильно работать с разными сортами, в крови было. Так, как мы табаки мешали, никто не мешал, ни у кого не получалось! Ну, а вот кто у отца клиентами были, кто табак и сигареты приобретал, вот этого уже я тебе не расскажу, это пусть так тайной и останется. Хотя нет этих людей давно в живых, но... — тут собеседник опять хитро улыбнулся, — тут, понимаешь, — коммерческая тайна. Пусть она тайной и остаётся. Люди, в прошлом известные в городе, если курили, то только хороший, благородный табак. И хоть сейчас их давно уже нет, — ещё раз повторил Ормели, — всё равно не буду называть.

— Да, для большинства некурящих всё, что связано с табаком, — чуть ли не криминал. Все судят по вредной привычке к «куреву». Иначе и не назовёшь то, что в обычных ларьках продаётся...

— Верно! Про настоящий хороший табак мало кто знает. Курение, брат, не только «вредная привычка»... Это разве что не искусство! И набитые хорошим табачком сигареты, и тем более трубки.

— Сам я человек некурящий, но уже давно подумываю купить себе хорошую трубку и научиться хороший табак курить. Мечта идиота, так сказать...

— Нет, молодой человек, — прервал меня собеседник. — Если вам уж довелось жить без такой привычки, то не надо начинать. Не важно, трубку ли курить или дорогие сигары. Вы — счастливый человек, вам завидует куча народу, кто когда-то начал по молодости курить, а сейчас избавиться от этого не может. Вам уже однозначно далеко за сорок, зачем создавать себе проблему, какой не было никогда до этого? Не надо...

— Да, любопытно слышать такую проповедь от представителя народа, основавшего «Яву» и «Дукат», — посмеялся я. — Вроде бы наоборот должно быть?

— Всё меняется, и караимы тоже, — ответил Ормели. — Я сам за шесть десятков лет курить не начал. Отец курил, дед курил, все старшие мужчины в роду курили. Но что они курили и что давали курить остальным? Такого табака уже не найти, да и будь он, не стал бы к нему привыкать. Чем меньше в жизни у человека слабостей — тем лучше.

Пожилой караим снова немножко подумал, улыбнулся, после чего сказал:

— Слушай! Что из истории нашей семьи тебе расскажу. От деда моего воспоминания. Когда он был ещё студентом, часто ездил в Крым (а жил и учился он уже в Москве), к своей пра-пра-пра... одному Богу ведомо, сколько там прабабке. Дама была интереснейшая, дожила до ста пятнадцати лет и всё время курила трубку, прям не расставаясь с ней ни на минуту, пила кофе чуть ли не по двести чашек в день. Здоровье было отменное, невзирая на обе вредные привычки. Жила под Симферополем. Общалась в основном с пожилыми стариками-караимами. Когда к ней, особенно на праздники и именины, приезжали молодые поколения семейства — дети,

внуки, правнуки, праправнуки и все, кто за сто пятнадцать лет успел народиться, была такая картина. Молодые поколения подходили к ней, здоровались и слышали в ответ только одно слово: «дурак». Это и женщинам, и девочкам говорилось. Почему? Они никто не знали ни одного караимского слова, поскольку жили, учились и работали все далеко от Крыма, среди русских, а слово «дурак» было единственным из русского языка, которое она знала. Понятно, никто за него не обижался...

Было видно, что Ормели может рассказать ещё какие-то занятные байки из прошлой караимской жизни. Я готов был их слушать и слушать, но платформа вдруг стала оживляться — электричка подходила.

— А вы не в сторону Москвы? — не теряя надежду на продолжение интересной беседы, спросил я.

— Нет, к сожалению, — ответил Ормели. — Я здесь своих рязанских друзей встречаю.

— Эх, жалость какая!

— Конечно... Приятно встретить человека, с которым можно о своём народе поболтать. Мало кто о нас вообще слышал, а тут вы — в курсе всех наших караимских исторических тонкостей.

— А мне приятно было узнать, что в таинственной Коломне есть и караимы со своими загадками...

— Да что вы, совсем мало: одна семья...

Электропоезд тем временем уже остановился у платформы. Спокойно закончить беседу не представлялось возможным: народ на платформе зашумел, начал толпиться возле открывающихся дверей. Я тоже, кивнув на прощание Ормели, поспешил к ближайшему вагону. Как всегда, хотелось успеть занять место поудобнее.

— Рад был с вами пообщаться! Успехов! — через головы пассажиров крикнул мне караим.

— Спасибо! До свидания! Бог даст, ещё увидимся! — бросил в ответ.

Уже из окна вагона электрички я увидел, как к моему недавнему собеседнику подошли двое мужчин, примерно его возраста, чисто славянской внешности. Люди радовались встрече, крепко жали друг другу руки, обнимались, — сразу было видно, что друзья знакомы много лет, долго не виделись. В мою сторону Ормели уже не смотрел — ему явно было не до этого. Порадовавшись встрече, друзья пошли к лестнице, на выход.

Электричка отошла от платформы. И поплыли за окном знакомые пейзажи: лазурный силуэт храма Богоявления-в-Гончарах, Посад и кремль, мост над Москвою-рекой, узорчатая готика Бобренева монастыря... И в то же время веял в душе солоноватый воздух Причерноморья, горячее дыхание крымских степей, запах кофе и хорошего табака...

И опять с досадой удивился своей рассеянности! Я же умудрился, беседа почти полчаса, не спросить имени человека!.. Да, со мной бывает и такое...